

Поющие револьверы

Автор:

[Макс Брэнд](#)

Поющие револьверы

Макс Брэнд

Роман «Поющие револьверы» – это увлекательное, полное приключений повествование о противостоянии двух крупных, сильных, яростных мужчин. И хотя один из них – не знающий жалости шериф, а другой – беглый преступник, они ведут честную схватку, потому что не в их правилах стрелять противнику в спину.

Макс Брэнд

Поющие револьверы

Глава 1

Перед очередным подъемом окончательно выдохшийся мул шерифа Каредека встал. Шериф спешил, сложил в дождевик остаток припасов и снаряжения из седельных сумок и, подвесив на палку маленький узелок, закинул за спину, затем двинулся пешком, предоставив мулу самому позаботиться о себе.

Он опять полез вверх по склону, раскачивая в руке винтовку, чтобы легче было подниматься. Над его головой простирался необъятный лесной шатер из елей Инглманна; под ногами покоился слежавшийся ковер этого шатра, намокший, но упруго пружинивший под уверенными шагами. Основу его составляли упавшие и

сгнившие стволы и ветви, поглощенные нескончаемым дождем сухой хвои.

Шериф не остановился, чтобы восхититься величественным полумраком леса или необычным ковром, по которому шагал. Он был слишком занят, чтобы восхищаться. Его взгляд, словно маятник, беспрестанно обшаривал местность – слева направо, справа налево.

Торопиться нужно не спеша, но даже не спеша на склон, который лежал перед шерифом, взобраться сразу не смог бы никто.

Каждые полчаса он устраивал себе короткий отдых. Остановившись, прислонялся спиной к дереву и смотрел вниз на тропу. Потому что даже эти несколько минут не имел права терять зря. Он должен быть чрезвычайно осторожным. Ему в этих краях за это платили и, больше того, в конце каждого срока полномочий скидывались на премию в две с половиной тысячи долларов. Считая еще жалованье, пожертвования и время от времени перепавшие вознаграждения от штата, Каредек зарабатывал очень неплохо. Ему нравилось зарабатывать деньги и нравилось их копить; бережливость вполне соответствовала его валлийской натуре.

Но даже если бы ему не платили ни цента, он все равно любил бы свою работу. Просто за то, что она такая. Пусть другие едут в Африку убивать львов и слонов или в душные джунгли Индии охотиться за тиграми-людоедами. Они тратили огромные деньги и массу времени, и ради чего? Ради случайного выстрела в мелькнувшую тень в лесу! Оуэн Каредек охотился на людей; а в этом округе охота на них представляла определенные трудности, к тому же когда беглецов загоняли в угол, они дрались не на жизнь, а на смерть. Доказательство то-му – рваный шрам на щеке. И еще один, начинающийся от локтя правой руки и тянущийся до тыльной стороны загорелой ладони; на его теле имелись и другие отметки прошлых битв.

Когда-нибудь его убьют. Каредек знал это, но всегда безо всяких на то оснований уверял себя, что это будет завтра или потом, но не сегодня, и наслаждался волнующим чувством преследования. Он любил его всем сердцем!

И как известный охотник, забывая о том, сколько трофеев висит у него в кабинете, с бьющимся сердцем ступает на новую тропу, отмеченную отпечатком следа тигра, так и Каредек с волнением подумал о человеке, за которым шел.

Крупный парень, как Каредек. Сильный, как Каредек. Яростный, как Каредек, и тоже валлиец. Об этом говорило его имя – Эннен Райнنون!

Каредек навсегда запомнил слова своего деда: «Три вещи можно услышать очень редко: песню птиц Райнنون, мудрость из уст саксонца и приглашение на пиршество от нищего».

Райнنون, согласно легенде, была женщиной. Чтобы услышать пение ее птиц, люди застывали в молчании на восемьдесят лет!

С хмурой усмешкой он перефразировал эти слова: услышав пение птиц Эннена Райннона, люди застынут в молчании до конца времен. Его птицы – это револьверы в его руках.

Так думал шериф, пробираясь по лесу, но неясные мысли, формируясь в слова, скользили, не притупляя острого внимания к окружающему. Теперь он находился на земле Райннона и чувствовал себя как в логове льва.

Начался дождь; потоки воды низвергались на ветки деревьев, которые, казалось, еле выдерживали их, а когда ударил сильный порыв ветра, они затрещали. Каредек вышел из леса на открытый участок, где прошелся лесной пожар. Все скрылось за пеленой водяной пыли и пепла, которая чуть не ослепила его, он едва различал ближайшие черные стволы, вздымавшие вверх обезображенные руки-сучья.

Но шериф радовался дождю. Не важно, что весь склон горы покрыт скатывавшейся вниз водой и идти стало втрое труднее. Главное, что плотный занавес дождя скрыл его от возможного наблюдения Райннона. Поэтому он двинулся вперед, бормоча про себя слова благодарности.

Он подошел к реке, которая в этом месте срывалась вниз с пятидесятифутового утеса. Поток выглядел таким плотным, что едва напоминал воду. Скорее это жидкая грязь, тащившая за собой камни величиной с человеческую голову. Внизу водопада словно пар поднималось облако желтой пены, и как ни стремился прибить ее дождь, усилия его были тщетны. Мощь водопада потрясала землю.

Глядя на борьбу стихий, Каредек глубоко вздохнул. Такой же грозной будет его встреча с Райнноном, один на один!

Затем отправился дальше.

Он сделал большой крюк направо, поскольку считал очевидной глупостью держаться слишком близко к реке. Десять дней назад во сне ему вдруг пришло в голову, что Райннон может прятаться в пещерах у истока реки. Он отправился в путь посреди ночи, загнал лошадь, а мул выдохся так, что отказался идти дальше. Шериф всегда считал, что не имеет права не использовать возможность найти преступника, какой бы незначительной она ни представлялась!

Поэтому Каредек обогнул водопад и через грохочущую стену дождя вышел к истоку реки, где она струилась лишь небольшим девственным потоком, бегущим мимо корней огромных деревьев. Прямо под ним лес кончался и уступал место дикому нагромождению камней.

Если его сон оказался вещим, в пещерах среди скал он должен отыскать Райннона.

Дождь начал ослабевать, видимость постепенно улучшалась. Загремел гром. Скалы задрожали под тяжелым эхом, с неба ударила длинная молния. Стоявшая неподалеку сосна вспыхнула и пылающими щепками осыпалась на землю.

Каредек с радостью и глубоким удовольствием наблюдал за этим, ведь все, что происходит в природе, символично и готовит его ко дню, когда он должен будет сразиться с Райнноном!

Дождь прекратился, но огромные облака все еще громоздились от земли до неба, словно поднялась еще одна горная гряда; позади стоял мерный шум от капель, непрерывно падавших с мокрых деревьев.

Он немного прошел вперед, к гребню крутой осыпи из гальки и камней величиной с кулак. С высоты он мог тщательнее разглядеть разбросанные внизу валуны. Особенно когда ветер разорвал тучи и по небу поплыли облака, в просветы между которыми выглянуло солнце.

Оно сверкнуло и залило мир серебром. Гладкие поверхности скал казались зеркалами, отражавшими его сияние, но это великолепие скоро исчезло. Западный ветер, сухой, как наждак, – он «ест снег», как говорят индейцы, –

подышал на намокшие скалы, и они потускнели.

Каредека, однако, не интересовала красота, будь ее больше или меньше. Его беспокоило одно: он должен найти того, за кем гнался, поэтому он остался около сырого ствола и продолжал обозревать местность у подножия склона. Он хотел уже спуститься и даже сделал шаг вперед с винтовкой наготове, когда увидел чью-то голову в сомбреро, высунувшуюся из-за большого валуна. Каредек поднял винтовку к плечу. Человек возник всего в тридцати ярдах, вот он вышел на открытое место, и шериф смог полностью его разглядеть.

Это был Райннон!

Каредек хмуро улыбнулся. В конце концов, сны не лгут. В снах есть что-то священное! Благослови Господь тот, что привел его сюда.

Нет, он не выстрелит сразу. Он подождет, пока противник к нему повернется; он даже заговорит с ним. Ведь и птиц не стреляют, не спугнув!

Какое-то мгновение он упивался своей победой, поводя мушкой по телу Райннона. Он пошлет пулю в голову. Выстрел в тело ненадежен, особенно в такое тело, как у Райннона, окруженное железной грудной клеткой.

Шериф почувствовал необычайное удовольствие. Сравнивая простое со сложным, он имел все основания сказать, что ему на мушку угодил король лосей или лорд гризли. Но только уложить Райннона значило куда больше – гораздо больше! На просторах Запада ни у кого не было таких плечей, как у Райннона; и такой головы, как у него.

Среди скал прозвенел голос Каредека:

– Райннон!

Одновременно шериф приставил приклад винтовки к плечу и чуть продвинул вперед левую ногу.

Как же ему не повезло! Он почувствовал под ногой неустойчивый камень и, нажимая на спуск, знал, что промахнулся.

Райннон, словно испуганный олень, отпрыгнул в сторону и развернулся. В его руке сверкнул револьвер, и Каредек в первый раз услышал завораживающую песню птиц Райннона.

Обе его ноги у бедра пронзило раскаленным стержнем, и он упал вперед.

Шериф знал, что умрет, и ждал сокрушающего удара второй пули. Но его не последовало. Он скользнул вниз по склону, увлекая за собой небольшой камнепад. Перед ним поднялась остроконечная скала. Его тело впечаталось в нее и, отскочив, как тряпичная кукла, кубарем полетело вниз. Поток камней тащил его на гранитную стену. Каредек почувствовал жестокий, смертельный удар, и его поглотила спасительная темнота.

Глава 2

Когда к Каредеху вернулась жизнь, он поднял руку к глазам и обнаружил, что она стала такой худой, что суставы и костяшки зримо выпирали, а ладонь просвечивала. Этой странной рукой он коснулся лица и ощутил, что оно заросло бородой.

Шериф приподнялся на локте, но так ослаб, что затрясся от напряжения.

Затем увидел, что находится в маленькой пещере, которую не выбило в скале водой, скорее она напоминала создание великана – зал с плоским потолком и вертикальными стенами.

Но больше всего его удивило, что при входе в пещеру стоял его мул, а рядом, скрестив ноги, сидел на земле человек с короткой бородой, черной, как ночь, и еще более темными глазами.

– Спокойно, спокойно, – предупредил чернобородый и протянул огромную руку.

– Райннон! – воскликнул Каредек и опустился на постель, высокую и мягкую, сложенную из молодого лапника и источавшую сосновый аромат. Раненый лежал не шевелясь. Рядом журчала вода; вдалеке слышался грохот водопада.

- Похоже, ты пришел в себя, - сказал Райнنون.

Шериф вновь открыл глаза. Он собрал разбегавшиеся мысли и, дивясь своему голосу, еле слышно произнес:

- Ты мог оставить меня там, где я лежал, Райнنون.

- Я не убиваю мертвых, - ответил тот. - Хочешь поесть?

Каредек посмотрел на грубый потолок над собой.

- Если бы я стал великаном, чтобы поднять вон тот камень и подпереть им потолок, - ответил он, - и если бы я работал целую неделю и за это время ни разу не перекусил, я бы, наверное, был меньше голоден, чем сейчас.

- Чего бы тебе хотелось? - спросил, посмеиваясь, Райнنون.

- Подошла бы сочная зеленая трава, - ответил шериф. - Или мне понравилась бы нежная внутренность коры ивы. И вообще, я бы мог жевать полынь или глотать гальку.

- Но если бы тебе предоставили выбор? - не унимался Райнنون, снова смеясь.

- Если бы я имел выбор, - сказал шериф, - я бы начал с форели, зажаренной с корочкой. Для начала я проглотил бы пару дюжин двухфунтовых рыбин. После этого принялся бы за оленину. Не хочу показаться жадным, поэтому остановлюсь на двух. Два упитанных, крупных оленя меня, может быть, немного округлят, а оставшиеся впадины я бы залил парой ведер крепкого черного кофе. А потом закурил бы, девять-десять фунтов табака. По-моему, достаточно для послеобеденной самокрутки. Ты можешь дать мне все это именно в таком порядке?

- Каредек, - развел руками преступник, - нам с тобой следовало встретиться давным-давно. У нас одинаковый взгляд на вещи, включая харчи!

У входа в маленькую пещеру он разжег огонь и ушел. Мул, любопытный, как все мулы, ходил вокруг него, пока костер не превратился в большую кучу раскаленных углей. А Каредек, лежа неподвижно, сжал зубы и старался унять разгоревшийся аппетит.

Затем он увидел, как вернулся Райннон с серебристыми рыбами, и немного погодя эти рыбины уже пеклись на углях.

Каредек яростно набросился на первую порцию, но когда съел маленькую рыбку, на него снова накатил сон.

Он заснул, проснулся посреди ночи и опять поел.

Через неделю он уже мог сидеть, оперевшись спиной о камень у входа в пещеру, греясь на жарком солнце, которое до костей прогревало тело. Он смотрел на водопад на реке, на летящих птиц, на прибившиеся к вершине облака и чувствовал, что силы возвращаются.

Он увидел идущего по склону горы Райннона. Даже среди нагромождения скал шаг его оставался широким, на плечах он нес тушу взрослого оленя. Райннон подошел ко входу в пещеру и сбросил триста фунтов мяса к ногам Каредека. Шериф взглянул на мертвые глаза и красный язык, вывалившийся из пасти животного.

- Почему ты принес так мало еды, Эннен? - воскликнул он.

- Это тебе одному на обед, - усмехнулся Эннен Райннон. - Но до полудня еще пара часов.

- Ошибаешься, - возразил шериф. - Время обеда давно прошло. Судя по тому, что творится у меня в животе, скоро наступит вечер.

- Разведи костер, - попросил Райннон. - Я пойду наловлю рыбы на первое.

Каредек разжег огонь и, когда он разгорелся, повернулся к туше и начал вырезать мясо, с жадностью глядя на него, потому что олень оказался вполне

упитанным. Внизу он видел Райннона с маленькой острогой в руке, который вставал на колени то на одном камне, то на другом. Острога была сделана из выдержанной и оструганной прямой ветви ясеня, конец ее венчал зазубренный металлический наконечник. Она напоминала копье пигмея – вряд ли длиннее копья сказочного рыцаря-эльфа в доспехах и на коне. Райннон держал ее большим и указательным пальцами. Иголка в руках кружевницы менее точна, чем острога в пальцах Райннона. Если в обманчивых тенях заводи мелькал плавник форели, ее настигала быстрая смерть. Если в прозрачных водах сверкал серебристый бок рыбы, маленькое копье снова било без промаха и извлекало из воды трепещущую добычу. Каредек сам пытался ловить рыбу таким образом. Но никогда ее не видел. Для него ручей был пустым – всего лишь черно-белый поток со странными голубоватыми отсветами в заводях. И ручей всегда оставался пустым, пока не подходил Райннон и по неясным отблескам света и тени не угадывал, где форель и не вытаскивал бьющуюся, умирающую рыбу.

Шериф наблюдал за ним и удивлялся, одновременно готовя вертел для седла оленя. Удивляло не столько умение бандита, поражала точность и грациозность его движений. Наконец Райннон откинул назад длинные волосы, которые спадали ему на плечи, подошел к костру со связкой рыб, почистил их и, завернув в листья и травы, секрет которых знал один только он, да, пожалуй, еще древние краснокожие, закопал, раздвинув угли, в жаркий пепел. Затем занялся приготовлением кофе и разломал на части холодные кукурузные лепешки.

Наконец они сели за еду. Вынули рыбу из сгоревших листьев и положили на неуклюжее, кое-как вырубленные куски коры. Мясо само отваливалось с костей, чудесное, ароматное мясо, подслащенное дымом трав.

Форель уничтожили за один присест. Потом принялись за большой кусок оленины, запивая щедрыми глотками кофе. А когда со всем этим великолепием было покончено, Каредеху не пришлось мыть тарелки. Хозяин жестом пригласил его в пещеру, и шериф с удовольствием последовал за ним, вытянулся во весь свой немалый рост и заснул.

Он проснулся ближе к вечеру, чувствуя себя так, как чувствует лес весной: сок поднимается к ветвям, почки готовы распуститься; но все же его сдерживала слабость. Каждый день силы быстро прибывали, но лето еще не наступило.

Он окинул взглядом склон горы, косматый бор и покрытые дымкой тумана долины под ним; за долинами простиралось розовато-серое море пустыни.

Этот взгляд придал ему ощущение всеведущего божества. Так боги Гомера смотрели вниз с заснеженного Олимпа на равнины, где жили люди. Вот и они с Райнном обитали среди облаков, пока ветер не раздвигал их и позволял бросить взгляд с головокругительной высоты.

И каждый день приносил новые силы!

Райннон в стороне чистил оружие. Он делал это постоянно, утром и вечером. Разбирал, протирал и смазывал, потом собирал движениями, которые мог бы повторить с завязанными глазами. И каждое утро он терпеливо и настойчиво тренировался, стреляя из револьвера. Он не делал секрета из своего умения. Райннон открыто упражнялся перед Каредком, иногда спрашивал его совета и тщательно его обдумывал. Как носить револьвер, как его выхватывать, как стрелять? Когда скорость выстрела важнее, чем неторопливая надежность, а когда надежность лучше, чем скорость? Стремясь к совершенству, он с благодарностью принимал рекомендации Каредека, а Каредек, не отставая от него, смотрел и учился. Они были слеплены из одного теста; сила и умение их вполне соответствовали. Если им придется снова встретиться в поединке, все решит случай. Однако близость Райннона к дикой природе сделала и прицел его чуть точнее, а реакцию чуть быстрее.

Каредек смотрел на человека с гор и всерьез задумался о нем. Они мало разговаривали, не видя в разговорах особой нужды. Он даже не поблагодарил Райннона за усилия, спасшие ему жизнь, жизнь, которую, по законам Запада, по законам нехоженых земель, по законам животных и людей, охотившихся друг на друга, он потерял.

– Райннон, – позвал шериф, – подойди ко мне.

Райннон подошел.

– Дай мне руку.

Тот протянул правую, и Каредек своим острым охотничьим ножом надрезал кожу на внутренней поверхности запястья. Затем сделал такой же надрез и себе, приложил две кровоточившие ранки одну к другой и сжал их левой рукой.

– Райннон, – произнес он, – ночью или днем, в горах или пустыне, по закону или вне закона твоя кровь – это моя кровь, а моя – это твоя, да помоги нам Господь!

Эннен Райннон сверкнул на него темными глазами и сказал:

– Клянусь Богом, Каредек, до конца моей жизни твоя кровь стала моей, а моя – твоей!

Глава 3

Для шерифа наступила пора расцвета. Десять дней отдыха стали для него все равно что десять дней весны для сада. Его силы вернулись. Он чувствовал, как они наполняли его, окутывали с головы до ног покрывалом непобедимости, словно Ахилла после купания.

Побратимы сидели на поваленном бревне на опушке леса и смотрели на выжженные огнем пни деревьев, на величественные вершины елей за ними. Справа стремительно бежала река, набухшая от талой воды с вершин.

– Здесь длинные зимы, – заметил Каредек.

Райннон повернул свою крупную голову и оглядел снежные вершины гор, сияющие под ярким солнцем. С каждым днем линия снега поднималась все выше, но на одном-двух пиках он останется лежать все лето.

– Здесь длинные зимы, – наконец промолвил он.

– И сильный ветер?

– И ветер тоже, – кивнул Райннон.

– Но жизнь у тебя неплохая, – задумчиво произнес Каредек. – Ты свободен.

Эннен пронизательно глянул на него. Так орел смотрит на орла через безмолвное море воздуха.

– Сейчас я свободен, – слегка улыбнулся он.

Каредек улыбнулся в ответ.

– Да, ты чуток поволновался, – гордо произнес шериф.

– Сутки напролет. Я знал, что мы должны повстречаться.

– Мы встретились. – Шериф кивнул себе, словно за этими двумя словами последовали другие, произнесенные в глубине сердца. Потом добавил: – Чем все закончится?

– Нельзя все время жить отдельно от стаи, – откровенно ответил Райнنون. – Мне это известно.

– Но и в стае ты жить не будешь?

– Ну как, черт возьми, я могу жить в стае, Оуэн? Ведь они меня знают. Они меня очень хорошо знают!

– Конечно знают, – согласился шериф.

Он встал, и они вместе двинулись по склону. Из-за скалы выскочил кролик и поскакал перед ними. Мельк-нули два револьвера. Раздался грохот двух выстрелов. Кролик превратился в кровавый сгусток мяса и шерсти.

– Мы оба слишком сильны для такой игры, – пожал плечами Райнنون.

Они пошли дальше. Изуродованная тушка кролика вряд ли стоила того, чтобы ее подобрать, поэтому они оставили ее там, где она лежала. Скоро ее проглотит койот или пробегающий мимо волк; либо ею заинтересуется медведь или найдет стервятник; а может быть, ею займутся жуки или мухи. У первозданной природы столько способов возвратить плоть в землю.

Они шли не торопясь, но быстро, отмеряя расстояние длинными, не знающими устали шагами.

- Здесь долгие зимы, - опять повторил Каредек.

- Да, длинные, - ответил второй.

- Ревматизм, говорят, неприятная болезнь, - вздохнул шериф.

- Мне еще рано о нем думать.

- Не уверен. Тебе около сорока.

- Да?

- Да. Ты лет на десять старше меня.

- Тебе только тридцать?

- Точно.

- Мне двадцать пять, - усмехнулся Райннон.

Шериф чуть не остановился, но потом продолжил путь. Он так нахмурился, что казался раздраженным, либо он глубоко задумался.

- Тебе двадцать пять, - протянул он. Райннон ничего не ответил, его мысли витали где-то далеко. - Ты хорошо живешь!

- Но здесь долгие зимы, - закончил Эннен.

Они долго шли молча дальше.

- Как ты проходишь через горы? - спросил шериф.

– Я тебе покажу. Как-нибудь возьму с собой.

– Лучше не надо, – возразил Каредек. – Знаешь, как это бывает. Никогда нельзя знать наверняка. Все может случиться. Пусть это будет твоим секретом.

– Я тебе расскажу, когда захочешь, – сказал Райннон. – У меня нет от тебя секретов, Оуэн. Моя душа открыта для тебя так же, как ладонь руки.

Но шериф хмуро пробормотал:

– Ничья душа не открыта. Мои отец и мать не понимали меня; я не понимал их. Никто не в состоянии понять другого. Любые друзья – все равно что горы в Неваде.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил преступник.

– Горы в Неваде выглядят всегда так, будто стоят у тебя на заднем дворе. Но прежде чем ты доедешь до ручья, который видишь на склоне одной из них, ты проедешь пятьдесят миль и умрешь от жажды. Я уверен, что и с людьми точно так же. Думаешь, что понимаешь их, а на самом деле ничего о них не ведаешь.

Райннон некоторое время думал над его словами.

– Ты слишком усложняешь, – произнес он. – Лично я принимаю вещи такими, какими они кажутся.

– Многие живут как ты, – согласился Каредек. – Они принимают вещи такими, какими они кажутся, и никогда не задают себе вопрос: а могут ли они увидеть все, что стоит увидеть?

– Да, – отозвался Райннон, – это правда.

– Возьмем, например, тебя.

– Ну, и что я?

- Давай поглядим. Когда ты отправился в горы?

- Не помню. Лет семь назад, должно быть.

- Семь лет! Это же много.

- Да, довольно много, - кивнул Райннон и, оглядев суровый склон горы, добавил:

- Зимы здесь длинные.

- С холодными ветрами, надо думать.

- Очень холодными.

Они дошли до пещеры. Солнце садилось. Долины постепенно окутывала тьма. Они стояли бесконечно выше, почти у самого пылающего неба. Пустыня тоже казалась горячей, но пламя выглядело неярким, словно его закрывала дымка.

- Наверное, это произошло случайно, - как бы размышляя вслух, произнес шериф.

- Что?

- Та первая твоя неприятность. По-моему, в Тусоне?

- Нет, это не было случайностью. Мы с парнем с рудников затеяли в шутку бороться. Он разозлился, схватил камень и ударил меня по голове. Я его убил.

- Тебе не следовало скрываться от суда. За это тебе ничего не грозило.

- Я знал. Но понял, что не гожусь для жизни среди людей. Например, если кто-то тебя ударил, ты не имеешь права злиться. Это не про такого, как я! - Он вытянул руки и удивленно посмотрел на них, как будто они принадлежали другому человеку. - Я становлюсь бешеным, - объяснил Райннон. - Ничего не соображаю. Мозги словно заволакивает. Мне нельзя жить среди людей. Я понял это в тот день в Тусоне и уехал. Потом одно цеплялось за другое...

- Прошло семь лет, - сказал Каредек.

- Мне казалось, больше.

- Зимы здесь больно длинные, - кивнул шериф.

- Скалы обмерзают и становятся скользкими. Черт-те что!

Они замолчали. Закат начал затухать, и вершины гор окрасились в мягкий розовый цвет. Земля под ними стала абсолютно черной. Нет, не абсолютно. В эту черноту можно было смотреть.

Пауза тянулась долго, потом Райннон заговорил:

- Меня очень беспокоят дети. - Шериф набил трубку и ждал. - Однажды у меня появилась идея. Захотелось спуститься и забрать сюда пару детей. Тех, у кого нет ни отца, ни матери. Взял бы себе мальчика и девочку и воспитал бы их тут как полагается. Но...

Он не закончил, и шериф пробормотал:

- Да, зимы суровые.

- Суровые, - покачал головой Эннен. - Да еще ветер. И покрытые льдом скалы.

- Ну, - шериф посмотрел на него в упор, - я понимаю, о чем ты. Но тебе ведь нужны не дети.

- А что?

- Тебе нужна женщина.

Каредек вспомнил, что не раскурил трубку. При свете спички он искоса взглянул на бандита, но тот уставился в непроглядную тьму долин.

- Да, - криво усмехнулся он, - мне нужна женщина. - Затем добавил: - Я с женой! Смешно!

- Не понимаю, почему, - возразил шериф.

- Такой, как я, - с женщиной. Смешно.

- Ты никогда не обидишь женщину.

- Разве? - спросил Райннон. - Не знаю. У меня мозги вроде как затуманиваются. Я же тебе говорил...

- И у тебя здесь свободная жизнь, - продолжил его мысль шериф, - когда захочешь, можешь спуститься в долину и взять, а потом исчезнуть через дыру-в-стене. У тебя это хорошо получается.

- У меня это хорошо получается, - отрезал Райннон, насторожившись.

- Я, пожалуй, лягу спать, - сказал шериф.

- А я пока посижу. Звезды еще не появились.

Каредек остановился у входа в пещеру и обернулся.

- Виноваты не зимы, ветер и замерзшие скалы, - произнес он строго. - Виноват ты. Беда в самом тебе, Эннен.

- Да, правда, - откликнулся парень. - Беда во мне, это верно!

Шериф вошел в пещеру, улегся на постель из ароматных сосновых веток и заснул.

Следующие день или два они делали вид, что того разговора о жизни вообще и о будущем Райннона в частности не было. Но затем как-то к вечеру над долиной разразилась гроза и загнала их в пещеру. Они не могли развести костер: порывы ветра тут же наполнили бы их жилище удушливым дымом. Поэтому, закутавшись в просторные оленьи шкуры, – Райннон освоил индейский способ выделки этих шкур, – они сидели в глубокой тьме и курили, пока им не надоело.

– Внизу наверняка зажгли лампы, – мечтательно заметил шериф.

– Мне надо забыть, что делают внизу, – ответил Эннен.

– Нет, – возразил шериф, – ты не прав.

Он обдумывал это несколько дней. В его голосе звучала уверенность.

– Меня там ждут с распростертыми объятиями, – съязвил Райннон. – Они будут рады меня видеть.

Он рассмеялся, а шериф, прислушиваясь к его голосу, удивился. Голос юноши звучит с хрипотцой, только в зрелом возрасте голосовые связки развиваются полностью, и человек начинает говорить со звучной уверенностью. Но голос Райннона – густой, мягкий, говоривший о среднем возрасте, звучал именно так.

– Ты видел свои объявления «Разыскивается», которые развесили повсюду?

– На них я похож скорее на медведя, чем на человека.

– Их рисовал Филипсон, художник. Он видел тебя, когда ты грабил «Оверленд».

– Художник? – презрительно фыркнул Райннон. – Он на меня сработал.

– Тебя и без того достаточно хорошо знают, – сказал шериф.

– Конечно знают, – согласился Райннон. – И нет нужды развешивать мои фотографии.

– Тебя знают по гриве волос, которая падает тебе на плечи, и по бороде. Слышал, как некоторые тебя зовут?

– Слышал. Черная борода.

– Но допустим, старик, что ты пострижешь волосы и пройдешься бритвой по лицу?

В этот момент в склон горы с нечеловеческой яростью ударил ветер. В нем прозвучал крик лесов, неистовство рек, и гора задрожала под его гневным порывом. Несколько минут никто бы не смог перекричать его, поэтому у Эннена появилось время обдумать ответ.

– Ну... – наконец пожал он плечами.

Шериф, довольный, что его идея не встретила возражения, тут же продолжил:

– Видишь, в чем дело. Если бы я убрал шрам на щеке, то легко бы изменил свою внешность. Почему? Все очень просто. Допустим, кто-то захотел бы меня описать. Он сказал бы что-нибудь в таком духе: «Крупный мужчина со шрамом на лице. Как будто его оцарапал медведь». Вот так меня всегда описывают. А теперь предположим, что я сумел избавиться от шрама. Тогда, стоит мне изменить голос и одежду, меня никто не узнает!

– Понимаю, что ты хочешь сказать, – задумчиво произнес его собеседник. – Не знаю...

– Или допустим, что ты увидел бы гору Лорел без леса на вершине.

– Это верно, – согласился бандит.

– А потом ты бы мог смыться из этих мест...

– Нет, не мог бы.

– В других местах воздух так же чист, вода так же свежа, а олени такие же упитанные.

– Я – часть горы Лорел, а она – часть меня. Я должен быть здесь или видеть ее. Иначе не получится!

Шериф не пытался его переубедить. Хотя ему не очень это нравилось, он, похоже, наткнулся на стену, которую просто так не преодолеть.

– Ладно, – помолчав, приступил он снова, – позволь кое-что тебе объяснить. Люди видят то, что хотят видеть.

– Это точно.

– Кто ты?

– Я Райннон. Я убийца. О, мне известно, что обо мне говорят!

– Почему? Ты представляешь им таким: на несущейся лошади или на скачущем муле с черной бородой и волосами, которые ветер развеивает по твоим плечам. Таким тебя видели в течение семи лет. Людям в долине кажется, что это продолжается семьдесят лет.

– Да, – кивнул Райннон. – У них были со мной неприятности. Они не знают, как меня остановить. Им и невдомек о дыре-в-стене.

– Конечно! – продолжал атаковать шериф. – Ты говоришь, что зимы здесь длинные. Так вот, ты для людей в долине словно зима. Они смотрят вверх и что видят? Гору Лорел? Нет, и можешь в этом не сомневаться. Они видят Эннена Райннона посреди неба с его черной бородой; а облака, что прибывает ветром к склону горы, – это волосы Райннона, развеиваемые за его спиной. Возьми, к примеру, прошлый месяц. Сэнди Фергюсон продал свое дело и уехал. Сказал, что Райннон – слишком большая нагрузка для его нервов.

– Да, – сказал Эннен без тени тщеславия, – должно быть, для них это плохо. Я имею в виду, что они не догадываются, как я каждый раз ухожу. Им неизвестно о дыре-в-стене. Ты слышал байку о крылатом коне?

– О Пегасе? Слышал когда-то.

– Дыра в горе для меня лучше, чем крылатый конь. Ясное дело, что люди волнуются.

– И я тоже, – сказал Каредек.

– Поэтому ты пришел за мной. Да, конечно. Я долго ждал, чтобы увидеть тебя...

Его голос умолк. Ветер стих. Но они остались сидеть в пещере, глядя на белое кружево звезд, заполнявшее вход. Они думали о том, что могло случиться, о смерти, о том, что потеряли бы, а не получили.

– Больше того, я собираюсь взять тебя вниз, – объявил шериф.

– Да ну? – с удивлением спросил Райнنون, без тени сомнения или вызова.

– Да! Хотя этого никто не узнает. Я возьму тебя вниз. Устрою. И ты начнешь новую жизнь! – последнюю фразу он произнес осторожно.

Ответ Райннона прозвучал неожиданно:

– Иногда твои слова меня пугают, Оуэн!

– Конечно, пугают, – ответил шериф. – Сиди тихо и дай мне подумать за тебя, ладно?

– Ясное дело, – сказал Райнنون.

Оуэн Каредек выпрямился и вдруг понял, что его кровь на самом деле смешалась с кровью Райннона. Это он ощутил реальнее, чем в прошлые времена, когда ритуал был принят индейцами. Теперь он мог думать как Эннен, а тот соглашался с его мыслями.

Он больше не пытался что-то оспорить, не пытался предложить что-то умное. Он понял, что надо найти компромисс; и когда он будет достигнут, тогда он сделает все, как ему захочется; останется лишь выбор – как избавиться от этого дикаря наилучшим способом. Каредек перебирал одну за другой идеи, но ни одна из них его не удовлетворила.

Шериф поднялся и, буркнув: «Надо подумать!» – вышел из пещеры. Остановившись, поднял голову к небу. Во всяком случае, так показалось Эннену Райннону, который остался сидеть в темноте.

Шериф долго стоял в этой позе, не поворачиваясь. Затем вернулся, сел на постель и больше не открывал рта.

Но утром, кога они мокрые стояли у заводи, смахивая с тела капли ледяной воды, заявил:

– Тебе лучше побриться. У меня есть бритва. Возьми ее и побрейся.

– Ни разу не брился за семь лет, – не возразил Райнنون. – Но я справлюсь.

– Сначала идем пострижемся, – предложил шериф.

Каредек кое-что понимал в парикмахерском деле. В лагере нашлись ножницы, которыми они изредка пользовались, и он их тщательно наточил. Затем обрезал тяжелые черные локоны Райннона. На память пришла история о Самсоне, как вместе с волосами ушла сила героя.

Осторожно подравнивая прическу, обратил внимание на то, что шея у парня округленная, как у мальчика, и совершенно белая.

– Со своей бородой ты выглядишь скособоченным, – заметил Каредек. – Возьми бритву и побрейся.

Райнنون спустился к реке и побрился. Он вернулся, потирая с полдюжины порезов, и кожа его сверкала белизной, как снег. Только под глазами и на носу, словно маска, выделялся загар.

Шериф с изумлением увидел, что парень помолодел лет на двадцать. Ему самому не верилось, что это тот самый человек, за которым он пришел охотиться в горы.

Его шаг стал легче; плечи как будто еще шире; глаза, угрюмо блестящие раньше из-под гривы черных волос, словно бы смягчились и увеличились; а фигура выглядела определенно стройнее и суше.

Каредек понимал, что произошло чудо и что в одно мгновение старый Райннос умер. Тем не менее он лишь дал совет:

- Намажь лицо маслом, иначе быстро сгоришь. И тебе нужно немного позагорать.

Эннен провел рукой по лицу.

- Какое-то странное ощущение, - заметил он.

- Ну да, - сказал шериф. - Теперь у тебя будет новое имя. Какое? Допустим, Джон Гвинн. Это тоже валлийская фамилия. Как она тебе нравится?

- Жжет, как пламенем! - Райннос говорил о вновь обретенном лице, прошедшем пытку лезвием бритвы.

Глава 5

Между Маунт-Лорел и пустыней катятся на запад мягкими волнами предгорья хребта. Холмы выглядят слишком маленькими по сравнению с суровой громадой горы; они слишком очаровательны, чтобы называться границей пустыни и слиться с ней. Это отдельная узкая полоска со своим климатом. Облака, которые проносятся над пустыней, не растеряв ни капли влаги, охлаждаются у высоких склонов горы и проливаются дождем над холмами, образуя бесчисленные маленькие ручьи, скатывающиеся в пустыню, которые через некоторое время исчезают под жарким, душным пологом креозотовых или мескитовых кустов.

Эти холмы - что-то вроде Земли Обетованной для путешественников в пустыне. Они пригоняют сюда изголодавшийся скот, чтобы он на свежих склонах откормился перед продажей, а немногие ранчеры, поселившиеся тут и там на этой земле, богаты и беззаботны, потому что о росте и благополучии их

собственности тщательно заботится сама природа. Здесь нет наводнений и нет засухи, а на земле растет все, что нужно скоту, – не только трава, но и пшеница, урожай которой доходит до пятнадцати мешков с акра, и ячмень, который собирают до сорока мешков. Эта благодатная земля щедра к пахарю и никогда не превращается в твердые комья, даже засушливым летом.

Именно сюда шериф привез Эннена Райннона, ставшего теперь Джоном Гвинном. Они сидели верхом на двух прекрасных лошадях и вели в поводу пару тяжело нагруженных мулов. Так они миновали холмы.

– Что ты думаешь об этой земле? – спросил Каредек.

– Хорошая, мягкая земля, – кивнул Райннон. – На ней можно спать.

Он поднял глаза; вдалеке, раздвигая полог облаков, вздымалась Маунт-Лорел.

– Естественно, на ней можно спать, – согласился шериф. – На ней можно также разбогатеть!

– Спать вредно, – заметил Райннон. – Я говорю про себя.

– Я все продумал, – сказал Каредек. – Тебе нужно рискнуть.

– Ладно, – мягко произнес Райннон.

– На свете нет абсолютно надежных вещей, – возразил с мрачной убежденностью Каредек.

– Ясно, что нет, – согласился Райннон.

– Возьмем, к примеру, любого человека – он ведь может умереть от кори либо от коклюша. Не рисковать невозможно, иначе не победишь.

– Понятно, что невозможно, – промямлил Райннон.

– Черт побери, – взвился шериф, – ты должен сам подумать!

Ему хотелось быть лидером, и все же его беспокоило послушное благодушие, с которым его друг воспринимал все его рассуждения.

– Мне трудно думать, – продолжал тем же тоном Райннон. – Ну, например, некоторые могут предусмотреть...

– Послушай, – прервал его шериф, – ты всегда соображал хорошо и быстро, я уже убедился. За семь лет ни разу не попался!

Райннон полуприкрыл глаза, размышляя, и Каредек получил возможность внимательно рассмотреть его. Без бороды он стал совсем другим человеком; точнее говоря, он впервые действительно казался человеком, а не страшилищем-людоедом. Выяснилось, что не прикрытые гривой волос глаза его вовсе не черные, а темно-голубые, большие и мягкие. В них светилось терпение, какое бывает у вола в поле, – бездумное и кроткое, и шериф вынужден был постоянно напоминать себе, что это, в конце концов, и есть тот самый великий Райннон.

И все же он не мог поверить своим глазам. Да и не стоило. Пищи для ума от них почти никакой!

– Ну, – начал объяснять Райннон, – допустим, у кого-то вдруг случилась неприятность... вроде как шериф наставляет на него винтовку, – он улыбнулся краешком губ, – и тогда надо действовать быстро. Не думая. Думать надо потом.

– Ты хочешь меня убедить, что жил так все семь лет? Доверяясь только своему чутью? – Он почувствовал растущее недоверие. – Пробираясь и убегая из города, беря все, что тебе хотелось, делая все, что заблагорассудится? Смеяться надо мной и остальными горожанами, когда мы пытались преследовать тебя?

– Посмотри на волка, – продолжил Райннон. Похоже, он не был ни в чем твердо убежден; его слова звучали просто как предположения. – Посмотри на волка. Он не думает, как человек, но иногда обманывает пастухов. – Шерифа так поразила эта мысль, что он не смог сразу ответить, и его собеседник не торопясь объяснил: – Волк действует, полагаясь на интуицию. Когда он идет по следу, всегда настороже. Кроме того, у него есть своя дыра-в-стене.

Каредек кивнул.

- Думаешь, тебе не придется здесь спать? – спросил он.

- Скорее всего, – нахмурился Райннон. – Здесь вокруг люди, которым не терпится воткнуть в меня нож. Я их впервые вижу, а они-то меня знают.

- Знают тебя? Да я сам теперь тебя не узнаю! – воскликнул шериф. – Райннон – наглый бандит. Ему лет сорок или сорок пять. А ты – ленивый, сонливый, славный парень лет двадцати пяти. Никто тебя не узнает!

Райннон не ответил; он слегка коснулся своего лица любопытными пальцами.

- Послушай, – заинтересовался шериф, – что это у тебя за кольцо?

- Я его когда-то нашел, – сказал Райннон.

Он протянул руку. Это было кольцо с плоско ограненной ляпис-лазурью.

- Когда ты кого-то ограбил? – уточнил шериф.

- Я нашел его на земле в дыре-в-стене.

Оуэн присвистнул:

- Значит, там бывают и другие?

- Едва ли. Не думаю. Его, должно быть, потеряли давным-давно.

- Оно не слишком-то блестит, – критически заметил шериф.

Он думал, что сам бы не стал носить такое дешевое кольцо. Либо никаких камней, либо бриллиант. Он припомнил, что Сэм Ларкин продавал как-то тысячу бычков по цене одного бриллианта. Тысяча бычков у тебя в заколке для галстука. Это что-то!

– Не блесит? – поиграл камнем преступник. – Но взглядишь-ка! На камне – рука в железной перчатке и сердце, из которого капает кровь. Вырезано довольно точно и аккуратно.

Шериф присмотрелся к кольцу. Ему было неинтересно. Его интересовал только сам Райннон с таким большим и матовым камнем на руке.

– Кто-нибудь еще его видел? – спросил он.

– Никогда не носил его, когда работал, – сказал Райннон. – Оно могло помешать выхватить револьвер.

– Конечно.

– Но сейчас у меня только один револьвер, поэтому левая рука особого значения не имеет.

Ранее они договорились, что для Эннена будет лучше, если он станет носить один кольт. Того, кто носит два, часто принимают за ганмена, а мысль о ганмене могла привести к ненужным выводам.

– Хорошее местечко, – через некоторое время произнес Райннон.

– Это? – скривился шериф. – Это всего лишь хижина.

– Она красивая.

Райннон натянул поводья, чтобы полюбоваться на нее. Это на самом деле был очень маленький домик, но перед ним вздымалась волна вьющихся растений, белые цветы жимолости спадали с карниза над окнами. Штакетник перед домом нуждался в ремонте и напоминал волнистую линию. Ворота на входе болтались на одной петле. За штакетником стоял сад – акров десять яблонь и слив. Дальше виднелись два небольших пастбища. А по земле струился маленький ручеек, по берегам которого сгрудились ивы и дубы. Сам дом был частично скрыт огромным фиговым деревом во дворе, заросшем спутанной травой, которую следовало давно скосить. Рядом стояли небольшой амбар и крохотный сарайчик, двери обоих выходили в корраль.

– Какая красота! – повторил Райнنون.

– Поехали, – сказал шериф, – мы же не можем потерять здесь весь день. Нам нужно двигаться дальше.

Но когда они поравнялись с домиком и сломанными воротами, Райнنون снова остановил лошадь.

– Послушай! – сказал он не совсем точно. – Какой приятный запах жимолости. Сладковатый, я бы его назвал.

– Никак не пойму, – заметил шериф. – Удивляюсь, как такой мужик, как ты, может заинтересоваться кукольным домиком!

– Ну да, – согласился Райнنون, – выглядит смешно, я понимаю. Но ты же видишь, как это случается. Вроде как прилипло, и все. Будто я его уже видел!

– Хочешь, он будет твоим? – спросил шериф, зевая.

– Моим? – Райнنون смотрел на усадьбу с улыбкой. – Вроде ничего особенного собой не представляет, но если бы усадьба была моей, я бы не просил Господа о большем.

– Кроме женщины, которая бы здесь жила, может быть?

– Ты все время торопишь события, – сказал Райнنون.

– Пару лет назад, – заметил шериф, – один парень одолжил у меня денег. Он разорился, и его дом достался мне. Он перед тобой.

– Да ты что?

– А ничего. Заходи и не забудь снять шляпу, сынок. Я тащил тебя сюда, чтобы показать это место. Теперь он твой!

Глава 6

Они осмотрели дом сверху донизу. В мансарде размещались две маленькие комнаты, в одной из них стоял старый, побитый сундук. На первом этаже – кухня, спальня, через разбитую оконную раму которой в комнату струилась жимолость, столовая, выходящая на заднее крыльцо, и гостиная, чья дверь открывалась на переднюю веранду. Все было обставлено приятной, без излишеств, мебелью.

В амбаре лежали три или четыре тонны сена. Когда они вошли на сеновал, с чердака, шелестя крыльями, взлетели голуби, и Райннон с мягкой улыбкой взглянул им вслед.

Здесь, по обеим сторонам амбара, встало бы пять лошадей.

В сарае они обнаружили прогнившие останки коляски, двухтонного фургона, два заржавевших плуга, борону и кучу беспорядочно набросанного старья – рваная упряжь, сломанные стулья, воротнички, ватные плечики, наковальня и пыльные меха, а также целый набор кузнечных инструментов.

Райннон очарованно завис над ними.

– Здесь можно кое-что сделать, – восторженно заявил он.

Они вернулись во двор и зашагали под деревьями. Фиги еще не созрели, но урожай ожидался богатым. Под ногами хрустела сочная трава.

– Давай пойдём по дорожке, – предложил Эннен. – Нехорошо портить траву.

Шериф улыбнулся.

Они подошли к сломанным воротам.

– Нужна всего одна петля да пара болтов, – заметил Райннон.

– Ты смыслишь что-нибудь в таких вещах? – спросил шериф.

- Мальчишкой я помогал кузнецу.

- Подумать только!

- Кузнец - единственный свободный человек, - объяснил Райннон. - Всем остальным нужны инструменты, а кузнец сам их делает.

- И даже оружие? - усмехнулся шериф.

Райннон коснулся длинноствольного, вороненого кольта.

- Не знаю. Со временем, может, и оружие, - сказал он, и его глаза загорелись желанием и азартом. - Могу даже с тобой поспорить.

- Я никогда не спорю, - пожал плечами Каредек.

- Я буду присматривать для тебя за этим местом, - решил Райннон. - Не знаю, как ухаживать за садом, но научусь.

- Ты будешь присматривать за этим местом для себя, - решил Каредек.

Оглянувшись вокруг, шериф тихонько вздохнул. Он накопил больше денег, чем стоило это ранчо. И все же место очень хорошее! Ему повезло, что он его получил. А Оуэн был бережливым человеком. Вдруг он заметил, что Райннон, покраснев до корней волос, стоит, уставившись на серую с белым вершину Маунт-Лорел.

- Я, честно говоря, рад, что остался в живых и могу что-нибудь кому-нибудь подарить, - беспечно бросил Каредек.

Райннон не ответил. Он покраснел еще гуще.

- Вот что я тебе расскажу, - начал объяснять шериф. - Тот парень, кому принадлежало ранчо, был нехорошим человеком. Вонючим скунсом. Он получил его от отца и запустил донельзя. Когда кончился срок закладной, никто не пытался ему помочь. Я получил его по закладной, оно стоило раз в пять больше.

Мне повезло, вот и все! Повезло точно так же, как то, что я сейчас в живых!

Глаза Райннона сверкнули, они вдруг изменились так, что шериф непроизвольно отступил и насторожился.

– Дай мне шанс поработать здесь. Я сделаю это для тебя, но и сам не останусь внакладе. Не исключено, что когда-нибудь я выкуплю у тебя ранчо.

– Дружище, дружище!.. – с укором воскликнул шериф.

Но Райннон поднял руку.

– Никто не может дать человеку счастье. На дороге его не найдешь. За счастье надо бороться. Я долго просидел на Маунт-Лорел. Зимы там вроде как длинные, а обледенелые скалы – хуже адского огня. Я долго думал. Я говорил себе: «За счастье надо бороться!» И вот теперь у меня есть возможность поработать. Ты ничего не можешь мне подарить. Другое дело – кое-что одолжить для начала. И это все, что ты вправе сделать!

На сердце у шерифа потеплело. В конце концов, он в глубине души оставался скупым человеком. Кроме того, сказал он себе, он понимает, что ощущает Райннон.

– Пусть будет так, как ты захочешь, – согласился он. – А потом договоримся. Договор будем подписывать?

Райннон редко давал волю чувствам, но теперь он протянул руку и положил ее на плечо друга.

– Ты и так запомнишь. Я тоже. Бумаги и все такое прочее отнимают у человека свободу.

Похоже, Каредек спланировал все так, как надо. Вьючные мулы привезли запас еды и всяческих мелочей, таких как новый топор, коловорот, несколько инструментов, гвозди и шурупы на всякий случай. Он даже привез уголь для кузницы.

Двух вьючных мулов можно впрячь в плуг. Одна лошадь останется у Райннона, он будет использовать ее по собственному усмотрению – под седлом или для коляски.

– Теперь все зависит от твоих рук. Странная штука. Я верил, что тебе здесь понравится, и знал, как ты поступишь. – Они взглянули друг на друга, каждый старался скрыть взаимную привязанность и понимание. – Допустим, тебе что-то подвернется. Допустим, тебе представится случай заработать. Ты понимаешь, о чем я говорю. Здесь проезжает много людей от границы до границы. Иногда за их голову назначена неплохая награда. Что ты скажешь, если я тебя буду предупреждать? Деньги поделим. Если мы с тобой встанем на одну тропу, тогда помоги Господь бандитам и мошенникам!

Глаза Райннона снова сверкнули, как глаза кота в сумерках, – шерифу не пришло в голову никакого другого сравнения.

Но в конце концов преступник сказал:

– Лучше, наверное, я буду сидеть тихо. После твоей болезни, может быть, и тебе надо успокоиться?

Каредек понял и больше ничего не сказал.

Тем вечером по дороге домой он перед первым поворотом оглянулся и увидел бледную голубовато-белую струйку дыма, поднимающуюся над домиком. Он чувствовал себя так, словно пробудил к жизни мертвеца.

У него были и другие чувства. Как будто он посадил незнакомое семя и не знал, что из него вырастет: бурьян или зерно, еда или яд.

Глава 7

Больше всего на свете Райннон любил благородную голову, широкую грудь и вытянутые мускулистые руки Маунт-Лорел. Но когда он уставал, то вспоминал длинные зимние ночи, ветер и лед, который покрывал скалы, превращая их в

стекло. До рассвета он работал при свете лампы; солнцем пользовался словно драгоценной свечой; а вечерами опять зажигал лампу.

Каждый вечер пламя в наковальне отбрасывало розоватые отблески в сгущающуюся темноту. Каждую ночь в доме или амбаре звенел молот.

Вот так порванная упряжь превратилась в крепкую, пригодную к использованию сбрую; жало плуга после ковки и перековки стало острым; изгородь с достоинством выпрямилась; полуразвалившаяся коляска встала на рессоры и заблестела новой краской; высокая, спутанная трава в саду упала под косой. А потом по земле прошла борона и превратила комья в мягкую, густую, влажную почву. Серп подровнял траву во дворе. Землю напитал влагой разлив, и начал подниматься урожай.

Позади заднего двора грудились развалины ветряной мельницы. Райннон ее отремонтировал. Починил и установил колесо. Теперь с уверенным постукиванием оно вращалось днем и ночью.

За домом земля слегка поднималась. На вершине подъема лежала естественная выемка. Вокруг нее Райннон возвел крепкую стену, внутреннюю сторону которой укрепил глиной, а внешнюю завалил землей. Ограждение росло фут за футом, пока не достигло высоты фута в четыре. В этот резервуар он подвел избыток воды, которую качала ветряная мельница, а от него провел слив на восточное пастбище, предварительно выровняв его. Эннен залил водой пастбище как раз вовремя, чтобы посеять кормовые травы.

Работа шла быстро. В руках Райннона жила сила двух крепких мужчин. Сердце его горело нетерпением, которое приходит, когда человек теряет много времени. Маленькую ферму захлестывала его жажда деятельности, накопленная за семь лет. К тому же он постоянно подгонял себя.

Шериф наезжал раз или два в неделю и помогал укладывать самые тяжелые бревна. Однажды он приехал разгоряченный и злой, но перед ним бежали три коровы.

– Вместо того чтобы продать траву, я скормлю ее коровам, – неделей раньше обронил Райннон.

Так он добавил к своим обязанностям доение и кормление коров, а также приготовление масла, которое Каредек забирал в город и продавал.

У Эннена появились первые заработанные деньги. Небольшие деньги, но для Райннона они были дороже алмазов.

Он выровнял второе пастбище – все, кроме узкой полосы, – и залил его водой, чтобы на следующий год распахать и засеять под зерно.

И вот маленькая ферма зазеленела, став похожей, даже на этой плодородной земле, на прекрасный изумруд в обрамлении зеленого стеклянного бисера. Он работал с жаром и ожесточением, предвкушая будущее, когда его превосходное поместье станет еще великолепней.

Он позволял себе отдыхать два раза в день. Первый раз – после ужина, когда он сидел, остывая от горячки работы и выкуривая одну сигарету за другой, и смотрел, как сгущаются сумерки; во второй раз он валился на постель и засыпал, как матрос после тяжелой вахты.

У него оставалось только полчаса отрады и ничегонеделания после ужина, в течение которых, позволив себе отвлечься от насущных дел, он сидел на веранде, расслабив усталые мышцы. В это время Райннон любил смотреть на Маунт-Лорел, поскольку даже в полутьме ясно ее видел, и, когда на равнины опускались сумерки, гора все еще неясно светилась. Он так хорошо ее знал, что мог описать каждый гранитный выступ, каждую затененную трещину. То, что с этого расстояния казалось небольшой впадиной, на самом деле было ложбиной с зубренными стенами, заросшими могучими деревьями, а глубокая царапина на склоне гиганта – огромным ущельем, продуваемым могучими ветрами. И когда он сидел в тишине веранды и смотрел на древнюю громаду горы, он чувствовал спокойствие и некую расслабленность, а потому испытывал удовольствие от своего труда!

Теперь он знал боль изнурительной, монотонной работы, боль постоянных усилий. Там, в горах, властвовала зима, которая пожирала силы, как голодный волк. Но он имел свободу, как у волка, – дикую, приносящую радость. И все же он смог отвернуться от того сурового и великолепного существования и открыть для себя прелесть вьющихся цветов, которые свешивались перед ним с карниза, шепота легкого ветра и покачивавшихся верхушек фигового дерева, вместо

визжащего урагана, бушевавшего сейчас на Маунт-Лорел. Стоит только взглянуть на рвущиеся к югу, сползавшие с вершины облака!

Оторвавшись от созерцания гигантской горы и спустившись на землю, Райннон взглянул в сторону холмов и увидел рысящего по дороге всадника. Он подъехал поближе, помедлил, потом повернул к воротам и приветственно помахал рукой.

В вечерней тишине его голос прозвучал тихо и отчетливо:

- Добрый вечер, незнакомец.

- Вечер добрый, - сказал Райннон.

Он продолжал сворачивать сигарету, смутно удивляясь, зачем оказался тут странник - молодой, аккуратный мужчина.

- Надеюсь, что меня пригласят? - осведомился гость.

- А? Ну конечно. Спешивайтесь и заходите, - предложил Райннон.

Он нахмурился. Время отдыха кончалось, а в кузнице ждал его - и огня - бесформенный кусок металла, который вначале раскалится до белизны, а потом будет вытягиваться длиннее и длиннее под страшными ударами молота, зажатого в руке Райннона.

Незнакомец пошел по дорожке и остановился под фиговым деревом. Плоды уже созрели, и, нагнув ветку, он сорвал несколько штук.

- Хорошие сочные фиги, - похвалил он. - За пять лет впервые вижу, чтобы такое дерево прижилось на этой земле. Оно, наверное, благодарит вас за воду!

Он подошел к веранде.

- Меня зовут Чарли Ди, - представился он. - Я с ранчо Ди. Хозяин - мой отец. Посмотрите за холмы. Видите верх крыши большого амбара? Нет, ее сейчас не видно.

- Я видел ее днем, - подтвердил Райннон.

- А как вас зовут?

- Джон Гвинн.

- Привет, Джон Гвинн. Рад с вами познакомиться. Могу я присесть? Спасибо. Мне очень хотелось поглядеть на вас. Мы, конечно, видели, как вы потрудились над этим местом. Раньше оно принадлежало моему отцу. Раньше почти вся земля здесь была его!

Он показался пустым юнцом. Его присутствие заставляло Райннона чувствовать себя старше, чем он чувствовал себя во время тяжелого труда.

- Курите? - спросил Эннен.

- Спасибо, не откажусь. У меня кончилась бумага. Вам здесь нравится, Гвинн?

- Здесь хорошо.

- Купили землю у шерифа Каредека?

- Я просто на него работаю, - смущенно рассмеялся Райннон. - Как я могу купить такое место?

- Шериф говорит, что это ваша земля, - бодро заявил сосед.

Он походил на птицу, сидевшую на ветке, бессмысленно щебетавшую и собиравшую семена информации.

- Да, говорит. Он хочет доставить мне удовольствие, - объяснил Райннон.

- Потому что вы так много здесь сделали? Но интересно, - заметил Чарли Ди, - даже не предполагал, что Каредек может спокойно говорить, что дарит кому-то землю. По-моему, он скуповат. Нет?

Райннон не ответил. Ему не нравился разговор и не нравился гость. В кузнице его ждала работа. Он провозится там до полуночи!

- У вас есть прикурить?

С растущим раздражением Эннен чиркнул спичкой. Его собеседник наклонился и несколько раз затянулся, прежде чем сигарета зажглась, потом резко отдернул голову, словно боялся, что пламя обожжет ему нос. А Райннон пожалел, что этого не случилось.

- Сколько у вас здесь акров? - спросил молодой человек.

- Шестьдесят три.

- Похоже, вы все как следует промерили, а? - Райннон опять промолчал. - Тяжелая работа, - посочувствовал Чарли Ди. - Надо разбираться в геометрии и все такое, чтобы мерить землю. У меня нелады с математикой. Ничего не понимаю. Алгебра меня доконала!

Он громко засмеялся, как смеются молодые люди над своими бессмысленными замечаниями.

- Я слишком занят, - сказал Райннон. - Мне надо работать.

- Работать? - воскликнул Чарли Ди. - Ночью? Как вам это удастся?

- Когда строишь себе дом, надо много вкалывать, - объяснил Райннон, поднимаясь на ноги.

Он ждал, что гость уйдет, но тот, однако, не встал, а спросил с изматывающим любопытством:

- Что вы делаете так поздно?

- Работаю в кузнице, - коротко ответил Райннон. - Мне надо идти.

– Пойду с вами и посмотрю, что это вы делаете, – решил Чарли Ди. – Всегда любил кузницы.

– Там дымно. Может, вам лучше вернуться домой? Уже поздно, – мягко настаивал Райннон.

– У нас в доме на это не обращают внимания. Если опоздал на ужин, всегда найдется чего перекусить. К тому же не хочу возвращаться так быстро. Старик велел, чтобы я с вами увиделся и поговорил. Он хочет подружиться со всеми новыми поселенцами. Он дружелюбный мужик, мой отец, не гордый. Знаете, как некоторые. Они делают деньги и смотрят на всех свысока.

Пока они шли к кузнице, парень продолжал без умолку болтать.

– Он просто садится на коня и ездит по окрестностям, как все остальные. Корова только отелится, а мы уже знаем. Весной ни одна травинка не вырастет без его ведома. Он все видит. Сказал, чтобы я поехал и познакомился с вами.

Райннон улыбнулся про себя. Но он решил держаться. Может, это просто болтливость, свойственная юности, а может, у Чарли Ди не в порядке голова. В любом случае, он должен привыкнуть, что на ранчо будут навещаться незнакомые люди. На Западе нельзя жить отшельником и процветать. Вес общественного мнения иногда требует сноса даже самых потайных стен.

Семья Ди, похоже, когда-то владела большей частью этого района и все еще рассматривала себя как своего рода повелителей. И хотя это отношение достаточно раздражало, все же для беглого преступника лучше не иметь никаких врагов, даже самых смиренных, не говоря уж о хозяевах земли.

Поэтому он волей-неволей стал смотреть на Чарли Ди благодущнее и повел за собой в темный сарай.

Он не долго оставался темным. Первый легкий дымок от клочка бумаги скоро превратился в облако, выплывающее из двери или завивающееся на стропилах, а из горна, пульсируя, била яростная струя пламени. Ее закрыли. Поднялся едкий угольный дым, но мощное дыхание мехов разожгло огонь. Он стал шире, он стал глубже, он мрачно загудел, и скоро Райннон смог положить в него кусок железа.

– Пойдите там и отдохните, – сказал Чарли Ди. – Я поработаю на мехах. И, если хотите, поддержку поковку. Я умею держать и поворачивать. Мне часто приходилось это делать. Мне нравится.

Райннон ничего не ответил, но отошел к наковальне. Он не мог понять, чего хочет. Он привык и держать заготовку, и работать двенадцатифунтовым молотом. Ему нужно было занять обе руки. Эннен взял шестнадцатифунтовый молот, к которому прибавил два или три фунта свинца, и несколько раз махнул им, стараясь привыкнуть к балансировке. Потом переставил лампу, чтобы лучше осветить наковальню.

Тем временем он не спускал глаз с Чарли Ди и заметил, что тот раздувает пламя правильно и сноровисто подбрасывает уголь. Пламя жарко горело, и через некоторое время Чарли соскреб верхний слой угля и позвал:

– Она готова, как хорошо прожаренный кусок мяса, приятель. Вынимать?

Тот кивнул, и Чарли Ди крепкими щипцами поднял тяжелую, добела раскаленную, шипящую массу металла, похожую на подсвеченный изнутри бриллиант.

Райннон закатал рукава до локтей, поплевал на ладони и покрепче встал. Затем начал работать. Бесперывно падающие тяжелые удары большого молота расплющили кусок железа и вытянули его. И с каждым ударом в стороны и вниз брызгали фонтаны искр. С каждым ударом казалось, что на секунду зажигается яркий свет. Стали видны нижние края стропил, черные от грязи и осевшей на них сажи.

Удары все еще гремели, и искры стали красными. Кусок металла потемнел.

– Пусть поработает огонь, – решил Чарли Ди. – Огонь дешевле, чем людской труд. – Он положил поковку в горн и отряхнул руки. – Очень приятно было побывать тут и помочь вам, – объявил он. – Но, между прочим, мне когда-то надо возвращаться домой.

Он остановился у двери, поднял молот, с кряхтением махнул им и тяжело поставил. Потом тихо присвистнул.

- До свидания, - откланялся визитер.

- До свидания и спасибо, - ответил Райннон.

Он даже подошел к двери и подождал, пока его веселый гость не исчез в темноте. Посмотрел со вздохом на звезды - еще одни искры, танцующие в небе. Затем пошел работать.

Глава 8

Утром через коричневые осенние поля к маленькой зеленеющей ферме подъехал Каредек и нашел Райннона в маслобойне - тот отремонтировал сарайчик за домом и поставил там чаны для молока.

Когда вошел Каредек, он как раз выливал сливки в маслобойку, и шериф с ухмылкой уселся крутить ворот.

- Ладно, я вернусь к мулам, - сказал Райннон.

- Эй, погоди минуту, - остановил его шериф. - Если ты собираешься все время работать, ты никогда не станешь Рокфеллером. И славы тебе тоже не видать. - Райннон помедлил. - Садись, - приказал шериф.

Райннон послушно сел.

- Я хотел тебе кое-что сказать, сынок. О ферме. Шестьдесят пять или семьдесят акров...

- Шестьдесят три, - поправил Райннон.

- Да? Ну ладно, пока это опустим. Я одолжил деньги из расчета двадцать долларов за акр. Выложил тысячу двести баксов. Через месяц после того, как я получил ее, мог продать ферму по семьдесят пять долларов за акр. Потом появился ты. Вчера в городе я получил еще одно предложение. Угадай, сколько.

- Мы ее немного отремонтировали, - заметил Райннон, затем взволнованно спросил: - Ты хочешь ее продать, Оуэн?

- Ну, я получил предложение. Догадайся.

- По сотне за акр, - предположил он, встревоженный еще больше.

- Послушай, сынок, - продолжил шериф, - следующей зимой мы будем продавать сено, так ведь?

- Да.

- Какая цена на сено зимой?

- Точно не знаю.

- Я имею в виду не всякие там сорняки, которые косят тут на ранчо, а хорошую, первоклассную кормовую траву.

- Не знаю.

- Я могу получить до двадцати долларов за тонну, если вовремя продам.

- Да, это хорошие деньги.

- Деньги вроде бы тебя не интересуют. погоди минуту. Сколько у тебя заливной земли?

- Пятьдесят один акр.

- Ладно. Сколько тонн приносит один акр за сезон?

- Шесть, если повезет.

- Это пять покосов за сезон?

- Да.

- Шесть на пятьдесят будет триста. Умножить на двадцать - шесть тысяч долларов каждый год!

- Да, - согласился Эннен. - Но ты должен вычесть расходы. И перепаживание каждые несколько лет. И все такое прочее. И тебе нужно нанять еще одного человека!

- Уже нанял, - сообщил шериф. - Дальше: у нас есть хороший яблоневый сад, верно?

- Да, похоже, хороший.

- Он и есть хороший. Ты яблоки пробовал?

- Пробовал.

- Столовые, а не те, что идут на сидр.

- Да, отличные столовые яблоки.

- Ну вот, сынок, эти десять акров покроют расходы на налоги, работу на ферме, удобрения и оплату работника?

- Не знаю, - из осторожности ответил Райннон.

- Я знаю, - сказал шериф. - Покроет все это и даже больше. Теперь слушай. Шесть тысяч долларов в год чистыми!

- Не считай цыплят раньше времени.

- Заткнись, Эннен, и слушай меня! Шесть тысяч - очень хороший процент со ста тысяч долларов. У людей начинают открываться глаза. Я тебя спрашиваю: сколько мне предложили за эту маленькую ферму? Сколько? Ты говоришь, сто за акр? Четыреста баксов за акр, мой мальчик!

Он помолчал.

- Это больше двадцати тысяч долларов, - медленно произнес Райннон.

- Гораздо больше. И что я ответил? «Не пойдет», - сказал я!

Эннен свернул и прикурил сигарету. Он ждал, в глазах у него светилось удовлетворение.

- Ты рад?

Райннон кивнул.

- Теперь дальше, сынок. Допустим, я списываю свои семьдесят долларов за акр. Допустим, я даже списываю сто долларов за акр. Ты можешь выплатить их мне в течение одного года. Правильно?

Райннон поднял руку.

- Мы напарники, Оуэн, - запротестовал он.

Шериф ритмично крутил рукоятку маслобойки, где плескались и чавкали сливки.

- Ты говоришь как дурак, - сказал он.

Райннон покачал головой.

- Это твое последнее слово? - спросил шериф.

- Да.

- Тогда давай разделим прибыль пополам.

- Это великодушно с твоей стороны, Оуэн. Ты мог бы сдать ферму в аренду, чтобы сделать то, что сделал я.

– Нанять? Да у них не хватило бы здравого смысла. Ни у кого не хватило бы здравого смысла. Даже у старого Ди, а ведь он был ее хозяином. И не додумался превратить выемку на холме в резервуар для воды. При нем развалилась ветряная мельница!

Райннон в задумчивости повернулся, увидел, как Маунт-Лорел сияет под утренними лучами осеннего солнца, и понял, что он выбрал себе место среди людей, среди тружеников. Что будет дальше, покажет время. У него есть руки, и перед ним открыт путь к достатку и даже к богатству!

Но он просто спросил:

– Ди? Ты их знаешь?

– Как облупленных.

– Там есть мальчишка. Чарли.

– Ты с ним познакомился?

Райннон пожал плечами:

– Что он собой представляет?

– У всех есть мозги, – сказал шериф. – Даже у Ди. Если их получше узнать, то можно подумать, что у них слишком много мозгов. Но вот Чарли... Он другой.

– Я так и подумал, – кивнул Райннон, вспомнив бессмысленную болтовню юнца.

– Мозги бывают разные, – объявил шериф. – Есть добрые старые сообразительные, а есть кое-что получше. Это называется гений! Клянусь Богом, Чарли Ди – именно такой.

Райннон забыл про сигарету. Он в замешательстве слушал Каредека.

– Ты когда-нибудь играл в шахматы? – спросил шериф.

- Немного, когда был мальчишкой.

- Тогда ты знаешь, что большинство играет плохо; некоторые усердно учатся, и если у них к тому же есть голова на плечах, у них трудно выиграть.

- Точно.

- Но кроме них есть еще гении. Они отдадут ладью, пару слонов, три или четыре пешки, и когда ты думаешь, что выиграл, они прорываются и ставят тебе мат в пару ходов.

- Верно, - вздохнул Райнنون, вспоминая далекое прошлое.

- Они настоящие профессионалы. И это относится к Чарли Ди. Он всегда идет на пять ходов впереди тебя. Ты запер его здесь, ты запер его там, но прежде чем до тебя дойдет что к чему, он уже выиграл. Он гений, Эннен, мой мальчик!

Райнنون нахмурился. Он попытался сопоставить это описание со своей собственной оценкой юнца. Оно никак не совпадало.

- Он приезжал вчера вечером.

- Приезжал?

- Что в этом плохого?

- Ничего... Ничего, - вздохнул шериф и отпустил рукоятку маслобойки. - Но только лучше бы приехал кто-нибудь другой. Он слишком много замечает!

- Про меня? - спросил Райнنون с затвердевшим лицом.

- Эй, Эннен. Не все так плохо. Скорее всего, он ничего не подозревает. Ты же ведешь себя тихо!

- Буду молиться и надеяться, что у него нет никаких подозрений на мой счет, - возбужденно произнес Райнنون. - Потому что если кто-нибудь попытается

разлучить меня с этим местом... этой новой жизнью, Оуэн... я... я...

Он замолчал. Шериф ничего не ответил, но на лбу его неожиданно выступили капельки пота.

Глава 9

Осень выдалась засушливой, холмы вокруг побурели, но зеленая ферма Райннона казалась еще свежее, чем прежде, еще более похожей на драгоценный изумруд. И когда он вышел на веранду выкурить вечернюю трубку, глаза его сами собой закрылись.

Он настолько устал, что, закрыв глаза, почти сразу засыпал и просыпался, лишь когда голова падала на грудь. Приходя в себя, вдыхал запах трав, более сладостный для него, чем аромат роз, и безотчетно замечал угасающий закат. Из кузницы доносились успокаивающие удары молота. Его помощник, Ричардс, принялся за работу, и Райннон с удовлетворением улыбнулся.

Шериф взял Ричардса без рекомендаций. В общем-то тот в них не нуждался. Он отличался почти такой же силой, как и Райннон. Выполнял всю тяжелую работу, которую ему поручали. За весь день мог не проронить ни слова. Все это было Райннону по душе. Но Ричардс выглядел угрюмым парнем, губы его почти всегда были насмешливо изогнуты, и казалось, что он все время что-то замышляет. Его пренебрежительное отношение продолжалось до тех пор, пока на третий день после его прибытия из кустов, тяжело взмахивая крыльями, не вылетела горная куропатка, и Райннон Эннен снял ее быстрым выстрелом из револьвера. После этого поведение помощника изменилось на уважительное и даже предупредительное. Теперь он работал почти так же усердно, как сам Райннон.

Он пошевелился и, резко дернувшись, выпрямился.

По земле неслась низкая тень, словно планировала летящая сова. Он пригляделся и догадался, что это всадник, который упорно рассекал вечернюю темноту и вскоре скрылся из виду.

Райннон окончательно пробудился. Он вспомнил: эта тень пролетала по полям именно в этот час три или четыре раза; спустившись по ступенькам веранды, он подошел к воротам. Они бесшумно открылись под его рукой; спасибо Ричардсу, не терпевшему скрипа ржавых петель.

Всадник исчез, но Райннон помнил направление его движения. Дорога здесь шла под углом. Кому нужно ехать по полю, рискуя сломать шею, перепрыгивая через изгороди, когда можно спокойно провести лошадь в том же направлении и почти так же быстро?

Райннон задумался. Он проснулся, в вечерних сумерках заметив сквозь сон прыгающую через ограды лошадь.

Куда она направлялась?

Ему больше не хотелось спать. Усталость пропала. Утром он как следует все осмолит и обдумает.

Райннон торопливо пошел в кузницу помогать молчаливому Ричардсу. Две пары умелых, сильных рук справлялись с металлом словно с воском.

Когда они вышли из кузницы и направлялись к дому, было уже поздно. У себя в комнате Райннон бросился в постель и заснул тяжелым сном, но проснулся при первых лучах серого рассвета.

Он вышел на покрытые росой поля и скоро добрался до полосы росших вдоль оврага карликовых дубов, на фоне которых видел прыгающего на лошади всадника. А через минуту он нашел, что искал – отпечатки копыт скачущей галопом лошади, – и прошел по ним до изгороди. Перед ней они пропадали и появлялись на другой стороне на таком расстоянии, которое указывало на опытного наездника.

Райннон опять двинулся по следу. Вот к первой цепочке отпечатков присоединилась другая. Он внимательно осмотрел новые следы и убедился, что это те же самые, но свежее; просто еще одна цепочка, оставленная тем же всадником – только позже!

Он направился по ней, пока не поднялся на вершину небольшого холма, которую усеивали скалы. Здесь след пропал. Райннот тщательно обыскал склон, но следов не нашел. Правда, на другой стороне обнаружилось полдюжины отпечатков, которые свидетельствовали, что лошадь повернула обратно.

Стало быть, это была та самая цель, к которой каждый день стремился вечерний всадник. Но зачем?

Райннот скрупулезно обследовал скалы и не увидел в них ничего таинственного. Почерневшие от непогоды, они выступали из-под земли, являясь продолжением горной породы, и сдвинуть их с места оказалось не по силам даже Райнноту.

Он сел, чтобы спокойно подумать.

Если всадник приезжал сюда с определенной целью – а кто поскачет по одному и тому же маршруту в сумерках с полдюжины раз без особой на то необходимости? – тогда становится ясно, что цель – это не сам холм, а что-то за ним. А что бы это могло быть?

За холмом лежала небольшая долина, в центре ее поднимался высокий дом Ди, чья крыша возвышалась над самыми высокими из окружающих его деревьев, но близлежащие постройки были лишь едва различимы. Слева, змеясь, протекал ручей, берега которого густо заросли деревьями. Что касается самой долины, ее перегородили на отдельные участки, на плодородность которых указывали кустарник и трава, вытянувшиеся рядом с оградами – там, где не доставал нож плуга.

Райннот не мог представить себе более мирной и невинной картины.

И все же что-то тут не так!

Он снова начал осматривать землю перед холмом в поисках следов – на сей раз не лошади, а человека, пусть даже самых незаметных. Но и опять ему не повезло!

Он вернулся к противоположному склону холма и продолжил поиски в кустах, пока в маленькой кучке облетевших листьев не увидел что-то белое, и вытащил

носовой платок.

Не слишком богатый трофей, но интересный для Райннона по нескольким причинам. Во-первых, он был сделан из тончайшего, прозрачного хлопка. Во-вторых, до смешного мал. В-третьих, по краям обшит канвой.

Ни один мужчина с начала времен никогда не носил такой платок. Ни одна женщина с Запада носить такой не станет, если только не возьмет с собой на вечеринку. Но эта вещь принадлежала к числу тех, которые обеспеченные женщины носят в ручке, держа тоненькими пальчиками, – прямой символ и симптом беззаботной жизни.

Более того, на платке имелась вышитая монограмма, и, несмотря на ее затейливость и малопонятность, Райннон прочел: «НМ».

Он тихо, с удовольствием засмеялся. Затем аккуратно спрятал платок обратно в листья и вернулся к работе, словно никогда не знал, что такое усталость.

Стало быть, через поля с безрассудной неосмотрительностью каждый день скачет женщина, – с большой неосмотрительностью, если только под ней не самая лучшая лошадь, какую можно себе представить. И все же это отчаянная женщина, потому что даже самая хорошая лошадь может совершить ошибку в прыжке при меркнувшем свете дня.

Безрассудная, значит, молодая. Отчаянная, определенно, по той или иной причине.

По дороге на ферму он пошел по обратному следу. Но не получил больше никакой дополнительной информации. Примерно в двухстах ярдах выше его дома след выходил на дорогу и там терялся.

Райннон вернулся к работе. После полудня они с Ричардсом, стоя друг против друга, готовили основание стога, и он вдруг обратил внимание, что работник в изумлении уставился на него; и только тогда до Эннена дошло, что он, Райннон, беглый преступник, работая, громко поет.

Это его огорчило. Для него так много значила его спокойная, домашняя жизнь, что даже намек на несчастье выбил его из колеи.

Этот случай заставил огромного, сильного Райннона дрожать от страха, худшего из страхов – страха за себя! Прежде он думал, что, пока мог избегать закона, будет жить счастливо, но теперь осознал, что ошибался. Он понял, глядя в прошлое и будущее, что не способен полностью насладиться своей новой жизнью. В тот момент, когда он сделал ферму процветающей, она ему уже наполовину надоела!

И вот наконец-то он почувствовал дух приключения, который радостно принял всей душой!

Занятый мыслями о своих проблемах, он решил, что не станет больше обращать внимания на вечернего всадника, а целиком сосредоточится на работе. Пусть будет что будет!

В таком расположении духа Райннон закончил долгий рабочий день. После ужина он настроился сразу пойти в кузницу, но ему показалось, что отворачиваться от соблазна – это проявление трусости.

Он вышел на веранду, но не остался там, а подошел к воротам и сразу увидел мелькнувшую в полях тень.

Его сердце застучало, но тут же до его слуха долетел длинный, печальный зов.

На этот раз действительно сова! Но странный всадник скоро появится. Полоса деревьев стала уже теряться в сумерках.

Райннон вышел из ворот, перешел дорогу и, подойдя к изгороди с другой стороны, положил руку на столб. Он еще колебался, но понимал, что проиграл, даже пытаясь противостоять искушению.

Конечно же все это мелочи. Все таинственные происшествия обычно объясняются очень просто. Здравый смысл приказывал ему уйти, пока не поздно. Обжегшись один раз, не стоило касаться огня.

Здравый смысл правил им слишком долго. На протяжении нескольких долгих месяцев Райннон вел строгий образ жизни. Теперь пришло время перемен. Усталость от однообразия и тяжелого физического труда покинула его. Он чувствовал себя легко и свободно, как опытная ищейка, взявшая след.

Перепрыгнув через ограду и оставив позади благие намерения, Эннен направился напрямик к скалистому холму.

Глава 10

Когда он подошел к холму, еще не совсем стемнело. Земля едва различалась, но на северо-востоке верхние утесы Маунт-Лорел все еще освещались таинственным светом. Казалось, что вершина горы парит в небе, как облако.

Райннон очень осторожно поднялся на холм. В его сердце пела такая радость, что он едва сдерживался, чтобы не рассмеяться вслух, скользя от куста к кусту, низко пригибаясь, стараясь, чтобы его силуэт не мельк-нул на фоне неба. Этими трюками он давно владел в совершенстве, поскольку долго себя тренировал. А такие уроки усваиваются навсегда.

Подобравшись к вершине холма, он нашел подходящее для себя место в зарослях кустов и удобно расположился там, поджидая, когда раздастся топот копыт. Наконец он донесся издалека, хотя чуть позже, чем в предыдущую ночь. Из темноты вынес- лась скачущая лошадь, ее подковы громко звенели о камни.

Всадница натянула поводья перед Райнноном. Лошадь некоторое время нетерпеливо гарцевала на скалах, затем успокоилась, словно узнала место, и потянулась мордой к траве.

Всадница отпустила поводья и сложила руки на седле, как будто она бездумно смотрела перед собой. Наконец она вынула бинокль и поднесла его к глазам.

Значит, ночной бинокль!

Любопытство Райннона возросло стократно! Он подобрался чуть поближе. С этой точки ему удалось различить, что всадница смотрит в бинокль на далекий дом Ди, чьи окна верхнего этажа светились сквозь деревья.

Наблюдение продолжалось пять или десять минут, после чего девушка убрала бинокль и спешила. Села на большой камень, все еще не отрывая взгляда от дома. На некоторое время воцарилась тишина, прерываемая лишь дыханием лошади, которое становилось все более и более спокойным, да позвякиванием удил, когда она щипала траву, довольно постукивая копытом.

Девушка вздохнула. В этот момент Райннон встал и мягко двинулся вперед. Лошадь тряхнула головой и громко всхрапнула.

- Добрый вечер, - весело приветствовал он незнакомку.

В ответ раздался дикий визг. Наблюдательница отпрыгнула от скалы и одним прыжком бросилась к лошади. Увидя возвышавшегося перед ней Райннона, она отпрянула к ее плечу и съежилась в смертном страхе.

- Успокойтесь, - как можно мягче произнес Райннон. - Я не причиню вам вреда.

Она, казалось, не понимала его. У нее вырвался испуганный, торопливый, неразборчивый поток слов. Он едва мог разобрать, что она говорит.

Однако она понимала и заявила, что его послали «они», что она не сделала ничего плохого и умоляла отпустить ее. Если он даст ей уехать, она никогда больше не вернется сюда. Они будут свободны от ее...

А потом слезы и прерывистые всхлипывания.

Райннон стоял над ней и посмеивался про себя.

Вот она, та тень, которая пролетала по полям, как ночная сова. Эта дрожавшая девушка была той, что прыгала через ограды в обманчивом свете сумерек!

Затем пришла щемящая жалость к ней. Он поглядел на нее с высоты своего прошлого, с высоты тысячи пережитых опасностей и заговорил:

– Кто такие «они», что послали меня, мэм?

– Вас послали Ди. О, я знаю, что вас послали они.

Она переборола плач, но голос ее все же дрожал.

– Но вы можете им сказать, что не нашли меня, что увидели, как я подъезжаю, но я заметила вас и повернула, – ведь они не узнают. Возьмите деньги. Здесь больше ста долларов – все, что у меня есть...

Он не протянул руки, чтобы взять их. Но она поймала ее и втиснула деньги в его расслабленную ладонь.

– Я пришлю вам еще! – пообещала незнакомка. – Честное слово, я...

– Послушайте, – решил объясниться Райннон, – я не из семьи Ди. Я ничего толком о них не знаю, кроме того, что их дом вон там. И мне не нужны ваши деньги!

– Вы не... вы... – начала она. А затем с глубоким вздохом облегчения воскликнула: – Слава Богу! Я думала, мне пришел конец!

Она обняла луку и привалилась к лошади, готовая упасть в обморок.

– Ну, ну, успокойтесь. Я тихий, миролюбивый человек, мне не нравится, когда девушек убивают. Допустим, вам понадобилась бы помощь, если бы вдруг возникли неприятности, может быть...

Он помолчал, не зная, что еще сказать ей. Райннон был рад, что с ним нет шерифа и он не слышит его слов.

– Помощь? – спросила девушка с горечью. – Помощь! О, ни один мужчина в мире не в силах помочь мне.

– Слишком смелое высказывание, – произнес Райннон. – Мужчины в мире бывают разные. И вряд ли есть такое, что кто-нибудь не смог бы сделать. Вы знаете те дела, которыми занимаетесь. Я не спрашиваю вас чем. Только меня воспитали

так: мужчина есть мужчина, а женщина есть женщина, и на нее нельзя взваливать самый тяжелый груз.

Этот неуклюжий образчик философии заставил ее поднять голову, она даже отодвинулась от лошади и сделала шаг к нему.

- Простите, а кто вы? - спросила она.

- Меня зовут... Джон Гвинн, - представился он, запнувшись на мгновение перед тем, как вспомнил имя, которым ему следовало называться. - А вас, мэм?

- Я Нэнси Морган, - ответила она. Затем огорченно добавила: - И если бы имела другое имя, то никогда бы не приехала сюда! Никогда бы не приехала!

Было слишком темно, чтобы различать движения, но ему показалось, что девушка всплеснула руками.

- Я видел вас, - мягко объяснил он свое появление, - с полдюжины раз, когда вы ехали вечером полями, перепрыгивая через ограды. Я живу в маленьком домике вон там. Поэтому и заметил вас. Вы приезжали сюда последние шесть дней.

- Мне пришлось приезжать и ждать. - Она снова всхлипнула. - Мне нужно было приезжать и ждать, но никто ко мне не вышел. Ни одна живая душа. Я ждала часами, и все же никто ко мне не вышел! А завтра вечером...

Райнنون жадно слушал, нахмурясь, пытаясь изо всех сил ухватить смысл в ее словах или между ними.

- Мне жаль вас, правда. А если бы вам мог помочь фермер с парой сильных рук...

- Что может сделать один человек? Что он против всех них? Даже если бы я обратилась к Райннону с гор и попросила его драться за меня, то вряд ли даже Райнنون смог бы что-нибудь сделать!

- Райнنون! - выдохнул он, вздрогнув. - Райнنون! Что вы знаете о Райнноне?

– Только то, что знают все, – ответила она. – Что он жестокий, сильный и ужасный... Но что он никогда не обижает женщин.

– Да, – подтвердил Эннен, глубоко вздохнув, – что верно, то верно! Он... он никогда не причинил вреда женщине. И, наверное, никогда не причинит. Но зачем вам этот грубый преступник?

– Кто, кроме преступника, нарушит ради меня закон? – спросила она. – И кто, кроме Райннона, осмелится противостоять Ди?

– Не знаю, – медленно произнес ее собеседник. – Не всегда в высоком доме живут высокие мужчины! Что имеют против вас Ди?

– У них нет права! – с горечью сказала девушка. – Никаких прав, ни юридических, ни моральных! Но они ненавидят меня, ненавидят! Они ненавидят всех Морганов, всегда ненавидели. И мне придется ехать туда завтра вечером... мне... мне...

Она замолкла со вздохом отчаяния. Теперь, пытаясь хоть что-то понять, Райннон окончательно запутался.

– Они вас ненавидят. Вам это известно. Но вы должны быть завтра там – где?

– У них в доме! У них в доме! – воскликнула она. – О Господи, помоги моей заблудшей душе! Я беспомощна в их руках! И что они со мной сделают?

По лицу Райннона катился пот.

– Вы непременно должны ехать к ним? Как же они вас заставили? Деньги? Мужчины? Или... Погодите! Может... Я понял! У Ди есть сын, который отличается от остальных. Вы ждали его здесь, а поскольку он не пришел, вы должны приехать к нему, потому что вы его любите, – я правильно догадался?

– Любить одного из Ди? – воскликнула с презрением она то ли сердито, то ли со слезами. – Ждать любимого здесь, чтобы он ко мне вышел? Если Ди найдет в своем сердце любовь к Морган, он его вырежет и вы-бросит! То же самое относится к Морганам! Ждать одного из них, потому что он мне нравится? – Ее

голос опять изменился. Сейчас в нем звучал один лишь гнев, одна лишь ярость. – Если бы у меня была свора собак, а они бродили по холмам, я бы их затравила, как волков. Я бы объявила на них охоту и предложила награду за их головы!

Райннон ждал возможности увидеть всадницу и начал сворачивать сигарету. Он зажег спичку, чтобы прикурить, и при ее свете наконец посмотреть на собеседницу.

Пламя больно обожгло кончики пальцев. Он бросил спичку, и она упала на землю тонкой трепещущей полоской света. И хотя их опять накрыла темнота, он разглядел, что перед ним стоит загорелая и розовощекая девушка, привлекательная и свежая, как утренняя роса. Очень молодая. Стройная и сильная. И эту девичью нежность исказили напряжение и отчаяние, сильный гнев и сильный страх.

Неожиданно она оказалась в седле.

– Иди к ним, Джон Гвинн, – с яростью в голосе воскликнула она, – и расскажи им все, что тут услышал. И прежде всего скажи, что я их ненавижу, ненавижу, ненавижу! И что я никогда не сдамся, пока жива!

По боку застоявшейся лошади хлестнула плетка. Он позвал ее, но она уже ускакала. Всадница и лошадь мелькнули над первой оградой и исчезли в темноте.

Глава 11

Райннон просидел на веранде до полуночи. Его угнетала низкая крыша над головой и внезапное осознание незначительности той жизни, которую он вел. Он боялся необходимости вернуться в маленькую, темную, жаркую комнату, где он спал. Отсюда, с веранды, ему хоть открывалось небо, усыпанное далекими и холодными звездами. Там, на Маунт-Лорел, они казались совсем близкими и светили как лица друзей.

Он не слишком жалел эту девушку. Несмотря на все переживания, она все-таки жила. Он тоже жил – раньше. Его душа и руки были заняты. Теперь руки тоже заняты, но не душа.

Там, на далекой горе, роскошно выписанной на фоне божественных огоньков... да, там он мог, так сказать, коснуться орлов руками. Здесь он потерял себя в земле. Он стал растением, которое сажают в определенное место, и оно растет, не имея возможности сдвинуться с этого места. Как унижительна такая жизнь – словно у растения или животного за оградой.

Мысли Райннона яростно метались, но постоянно наталкивались на препятствие – так тигр ходит по клетке, не в силах пробиться через металлические прутья. Утром приедет шериф. Райннон вернет ему ферму и уедет обратно в горы!

Приняв решение, он почувствовал себя легче, лег и сладко проспал, пока его не разбудила пила Ричардса, вгрызавшаяся в твердое дерево за домом. Райннон встал, оделся и приготовил завтрак на двоих. Они едва закончили есть, когда, задумчиво насвистывая, появился Каредек и прислонился к косяку задней двери.

– Ты был чем-то занят, Оуэн? – спросил Райннон.

– Был и нашел себе человека, Джон Гвинн, – ответил шериф.

Ричардс встал и вышел через заднее крыльцо. Он задержался там, наверное, чтобы скрутить сигарету. Но шериф ткнул большим пальцем за плечо и кивнул в сторону Ричардса.

Затем продолжил:

– Я нашел себе очень дорогого человека, сынок.

– Для фермы? Мне не нужен еще один, – сказал Райннон. – Если только...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/brend_maks/poyuschie-revol-very

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)